

СПРАШИВАЕМ — ОТВЕЧАЮТ...

В ДНИ, когда мы встречались с Юрием Александровичем Гуляевым, он был свободен от оперных спектаклей в Большом театре СССР и не пел в концертах — надо когда-нибудь дать голосу отдохнуть. Но отдых был особого рода — пауза художника, который не умеет прожить «ни дня без ноты», как истинный писатель — «ни дня без строчки». Артист сочинял музыку на стихи Роберта Рождественского. Песни и романсы Юрия Гуляева, созданные в содружестве с поэтом, становятся широко известны. Отрываясь от композиторских занятий, он брал в руки баян — старую и неизменную его привязанность: когда-то, восемнадцатилетним юношей, он поступал в Свердловскую консерваторию с русской народной песней, которой аккомпанировал сам — на баяне. Ареопал педагогов во главе с ректором с симпатией отнесся к совсем еще неумелому, но искренне влюбленному в пение

хvatит, чтобы сказать себе: «Я постиг оперу».

— Тогда поговорим о любимых оперных партиях...

— Любимых? Опять я не могу отвечать однозначно. Есть партии, которые я не спел, но они любимы. Не спел не потому, что так сложился репертуар, но потому, что почувствовал: не удастся — что-то во мне самом еще не сложилось для исполнения этой партии. Одно лишь знаю: я обязательно вернусь к тому, что иные называют «неудачей». Вернусь с новым взглядом на произведение, на роль, на собственный путь в ней.

Я привык уважать художников в людях, с которыми работаю. И испытываю чувство благодарности режиссеру и дирижеру, которые видят во мне Онегина, Фигаро, Валентина, Эскамилио. Благодарность рождает ответственность. Ответственность — любовь к делу. Отсюда — и любимая партия в опере... По-моему, глав-

артист что-то делает лучше, чем делал он в его возрасте. Лемешев — это был «мой» человек, необычайно меня обогащавший духовно и творчески. Ну, скажите, разве это не счастье — подружиться с мастером, который был твоим идеалом художника-певца еще в детстве? И если говорить о том, что составляет мое счастье, так это люди — добрые связи с ними, полнокровное общение.

Я всегда считал, что актера нельзя хвалить за данные — надо похвалить за это природу, а не его. Голос — только средство выражения. Уровень певца зависит от того, кто владеет этим голосом, как он относится к своему творческому инструменту и в каком направлении его использует. В природе артиста — желание постоянно отдавать людям все лучшее, чем он располагает, повышать культуру, пробовать «незнакомое»...

— Но все ли артисты так относятся к своему призванию?

— Все!.. Если не так, то это и не артисты! К слову сказать, зрители, слушатели немедленно чувствуют, с кем они имеют дело, с кем к ним пришел актер. Этим чувством обладает каждый. Независимо от обра-

Михаила Ульянова за ту же плотную и высокоэмоциональную художественную ясную. Всегда восхищался даром Иннокентия Смоктуновского в небольшой паузе раскрыть удивительные подробности «жизни человеческого духа»...

— Так вот в чем причина вашей приверженности к «малым жанрам» — песне и романсу!

— Отчасти. Не только в этом. Радостно общаться с аудиторией слушателей впрямую — с эстрады. Здесь чувствуешь себя настоящим гражданином. Особенно вместе с советской песней. У советской песни — судьба исключительная. Она родилась вместе с ленинской гвардией. Мы знаем, что многие из большевиков были авторами стихов к революционным песням, которые пели на улицах еще в 1905 году, во времена первой русской революции. В песнях отразились история нашей Родины, ее суровые испытания, характеры людей, которыми может завидовать мир. Раскрывать в песне подобные характеры — большая творческая радость для артиста. Выходя на концертные площадки, я не чувствую себя ни прологом, ни героем. Я иду к людям выразить то, что, мне кажется, переживаю вместе с ними, в той же степени, как они. И радуюсь, когда песня получает своего рода «визу народа». В концертах за рубежом стараюсь петь именно то, что получило признание в моей стране, от моих соотечественников...

— Мне рассказали недавно, как вы вышли на сцену в Японии и зал разразился аплодисментами на один этот выход, еще до того, как вы начали петь. Когда японских зрителей спрашивали, что с ними случилось, они отвечали: «Он был весь такой русский, размахистый!»...

— За границей чувствуешь особую ответственность: за тобой — твой народ. Я действительно вышел к японцам с ощущением «России, счастливый своей принадлежностью к русской культуре, к героическому нашему народу. Никаких специальных приемов, разумеется, не было — просто я хотел, чтобы с моей помощью японцы поближе узнали мой народ»...

Юрий Александрович помолчал и продолжил:

— Я думаю, что главная особенность, главное свойство советского общества — неустанный творческий поиск. Люди не умеют стоять на месте, успокаиваться на достигнутом. Пример тому — проект новой Конституции СССР, отражающий достижения последних сорока лет, новые наши социальные отношения, новые связи СССР с другими народами мира. Радостно читать те многочисленные предложения, которые вносят в проект Конституции люди разных возрастов и профессий. Вот уж свидетельство творческого соучастия народа в жизни государства, в его управлении! Труд артиста — тоже миссия государственная, особенно в зарубежных гастрольях. Там удивляются простоте поведения советских «премьеров». А дело-то, наверное, в той образцовой этике человеческих отношений, которая здесь, на родине, почти не замечается, но зато за рубежом видна отчетливо. Если вдуматься — и это тоже достояние советского искусства, воспитывающего зрителей и слушателей не только художественными средствами, но и примерами гуманизма, уважения к человеку, скромности, нравственной цельности.

Беседу вел
Александр КРАВЦОВ

Юрий ГУЛЯЕВ:

МУЗЫКА — ДЫХАНИЕ ВРЕМЕНИ

пареньку. Так начинался Юрий Гуляев, будущий народный артист СССР.

В чем особая притягательность творческой личности этого мастера? Ответ на этот вопрос я получил для себя в начале 60-х годов. А. П. Конников, ныне главный режиссер Московского театра эстрады, привез с собой из Франции магнитофонную запись гастрольной программы нашего мюзик-холла. Мы уже знали, что французы приняли эту программу празднично. В самом деле, каждый номер сопровождался овациями. Но вот закончил петь Гуляев, и аплодисменты на пленке уже невозможно было различить — многотысячный парижский зал приветственно кричал.

— Россию увидели! Россию услышали! — взволнованно комментировал Конников.

Да, именно здесь надо искать секрет артистического магнетизма Юрия Гуляева — в его пронзительной национальной сущности.

— Вы слышали новую пластинку? — спрашивает Юрий Александрович. — Я записал цикл русских песни — давняя моя мечта. И кое-что, по-моему, удалось...

Он избирательно демонстрирует пластинку, ставя только те песни, которые, на его взгляд, звучат «достойно», не поддается никаким уговорам послушать другие.

— Ваша основная привязанность — русская и советская песни!

— Так бы я не стал говорить. Прежде всего я — оперный певец. Это высокое и тонкое искусство способно занять помыслы артиста целиком, но и в этом случае одной жизни не

хватит, чтобы сказать себе: «Я постиг оперу».

— Из личных наблюдений могу добавить, что ваши отношения в семье строятся на таком же уважении к авторитету жены или даже четырнадцатилетнего сына Юры...

— Вы правы. Каждого человека есть за что уважать. Жена — мой большой друг, требовательный, внимательный к моему творчеству. Но и я уважаю ее, отношусь к ее труду философа, литератора. Духовный мир, который царит в семье, не последнее дело в жизни творческого человека. И меня радует, что мой мальчик это чувствует и разделяет. Но вернемся к разговору об учителях. Радость познания, наверное, одна из высших радостей, которыми жизнь наделяет человека. Если умеешь ее испытывать, судьба дарит редкие встречи. Такой встречей для меня стала дружба с Сергеем Яковлевичем Лемешевым, художником высочайшего класса, человеком мудрым, до конца дней своих влюбленным в людей и в природу, как ребенок — всем своим существом. Он мог радоваться форме и цвету яблока или помидора, как иные радуются талантливому произведению искусства. И при этом быть беспощадным к себе, охотно, легко признать, что молодой

зования и уровня подготовленности к восприятию художественного произведения.

— Значит, вы убеждены, что мировоззрение, гражданские позиции, личные качества артиста различимы слушателям даже в пении!

— «Даже»! По-моему, в пении различимы, как нигде! Музыка — живое дыхание времени. Поколения уходят, а музыка остается, и мы через нее воспринимаем былые времена так, словно они и не миновали. Разве песня о том, как «в степи глухой замерзал ямщик» не переносит нас в прошлый век, на дороги России, в психологию русского крестьянина, совестливого, душевного, мужественного в последние минуты жизни? Сколько надо потратить сил и таланта писателю, чтобы в прозе или в драматургии рассказать о таком человеке, как этот замерзающий в снежном поле ямщик? А песня охватывает масштаб целой повести или романа! Видишь все: и отца его, и матушку, и жену, и взаимоотношения в этой семье, и нелегкую дружбу с товарищем, которому умирающий «отдавал наказ»... Я люблю русскую песню и русский романс. Не знаю, что тут от чего произошло. Моя любовь к песне и романсу вызвали особую привязанность к творчеству А. П. Чехова или чеховские рассказы повлекли за собой особое отношение к песне и романсу. Так или иначе, но рассказы Чехова — настоящее мое чтение. Я учусь быть лаконичным у Чехова. Плотности и ясности художественного образа — у Чехова. Простоте выражения — у Чехова. «Чеховское» я улавливаю в исполнении Шалапина и в исполнении Лемешева. Люблю и чту творчество драматического актера